

УДК 821.111

ОПЫТ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ АВТОБИОГРАФИИ XX ВЕКА

© Л.Б.Караева

В статье рассмотрен опыт самоидентификации, представленный в английской литературной автобиографии XX века, отмечаются пути конструирования новой идентичности, прослеживается рецепция духовной автобиографии XIX века.

Ключевые слова: литературная автобиография, духовная автобиография, самоидентификация, идентичность, метафизическая катастрофа, миф, архетип.

Вопросы этнокультурной самоидентификации актуализируются в переломные эпохи. Великобритания, начиная с рубежа XIX-XX веков, находится в ситуации цивилизационного сдвига, начало которому положила так называемая «метафизическая катастрофа», приведшая к кризису религиозной идентичности. Распад империи, переживаемый на протяжении всего XX века, способствовал кризису национальной идентичности. К концу XX века нарастают общемировые глобализационные процессы, размывающие все границы, нивелирующие различия и ставящие под сомнение само понятие идентичности, включая все ее уровни. Проблема национальной идентичности в современной английской литературе находит отражение в работах российских литературоведов. Так В.Г.Новикова, анализируя британскую «околофутбольную» литературу, отмечает «масштаб распада довоенных ценностей, тех, что сформированы даже не в Новом времени, а тысячелетиями европейской истории» [1: 144], и утверждает, что «для большого количества людей замена высших смыслов суррогатами уже произошла» [1: 146].

В кризисные моменты истории и общество, и отдельный человек более чем когда-либо нуждаются в самоидентификации, в осознании изменений ее параметров и конструировании новых. Особая роль в формировании параметрической модели самоидентификации, включающей в себя этнокультурную, конфессиональную, языковую, пространственную, темпоральную составляющие, принадлежит, в целом, литературе и, прежде всего, автобиографическому нарративу. Еще со времен Вильгельма Дильтея и Георга Миша бытует теория, согласно которой во времена глубоких цивилизационных кризисов – религиозных, социальных, политических, культурных и т.д. на первый план в области наук о духе выдвигается автобиография, по определению, и, по сути, являющаяся актом самоидентификации.

Предметом рассмотрения в данной статье является опыт этнокультурной самоидентификации, воплощенный в классических образцах литературной автобиографии XX века – автобиографиях Эдмунда Госса и Кэтрин Рейн, соответственно представляющих рубеж XIX-XX веков и середину XX века. В произведениях этих авторов прослеживается кризис различных компонентов идентичности, отражаются попытки его преодоления и создания новых моделей самоидентификации. Рассматривается также духовная автобиография кардинала Дж.Г.Ньюмена (Newman, John Henry) (1801–1890), «*Apologia Pro Vita Sua*» (1864) [2] («Апология своей жизни»), ибо в ней отразились в зародыше кризисные явления, предшествовавшие метафизической катастрофе, обрушивающей сегодня Вавилонскую башню христианской цивилизации.

В «Апологии...» излагается история религиозных воззрений Ньюмена. Каждая из четырех частей основного корпуса книги охватывает хронологически фиксированный отрезок жизни и отмечает очередной этап самоидентификации, приведшей Ньюмена из англиканской церкви в лоно католицизма. Следуя канонам классической риторики, Ньюмен одновременно реализует в «Апологии...» метаструктуру обращения, включающую в себя следующие ступени: невежество (или греховность); период борьбы; пробуждение и обращение. С этими ступенями коррелирует сквозной образ «больного человека». Все этапы болезни: ее причины, развитие, борьба с ней, кризисы, сопровождавшие ее течение, выздоровление – соответствуют этапам духовного прозрения личности и в такой же последовательности отражаются в «Апологии...». Первый этап – невежество, или греховность, раскрывается в третьей части, с которой начинается собственно автобиография. Заданная во вступлении программа разворачивает в ней историю воззрений, как историю влияний, оказанных на Ньюмена его окружением в Ориэле, в Оксфорде. Оказав-

шись под сильным воздействием коллег-преподавателей Э.Хокинса и Р.Уэйтли, сторонников либерального направления в церкви, Ньюмен обнаруживает в себе симптомы «болезни», которую он определяет как либерализм: *«Правда заключалась в том, что я начинал отдавать предпочтение интеллектуальному превосходству над моральным. Я двигался в направлении либерализма, определявшего климат тех дней»*¹ [2: 116]. образу «больного человека» соответствует параллельный образ «больной» англо-католической церкви, которую эта же «болезнь» лишает сил сопротивляться стремлению государства реформировать ее и контролировать ее деятельность. В «либерализме» официальной англо-католической церкви Ньюмен увидел главную угрозу как институту церкви, так и, в целом, институту религии. Но если «больной человек» в лице отдельного представителя англо-католической церкви, кардинала Ньюмена, «выздоровел», обрел душевное спокойствие в лоне римско-католической церкви, то собирательный образ Англо-католической церкви остался в прежнем – больном, как считает Ньюмен, состоянии.

Он заканчивает свою автобиографию утверждением о непогрешимости церкви как условия, необходимом для сохранения религии в мире, и, обращаясь к своим друзьям, как католикам, так и англиканам, выражает надежду на то, что церковь вновь станет единой: *«И я искренне молюсь за всех, вознося молитву за молитвой, что все мы, которые когда-то были так едины и так дружны в нашем союзе, даже теперь можем, в конце концов, объединиться по воле Всевышнего в единую паству и с единым Пастырем»* [2: 284].

Ньюмен использует принципы и приемы классической риторики для реализации метаструктуры обращения и таким образом достигает своей цели – он защищает себя и католическую церковь от клеветы и убеждает читателя в своей правдивости, искренности своих убеждений, последовательно, шаг за шагом, раскрывая читателю историю своего обращения, демонстрируя процесс конфессиональной и религиозной самоидентификации. Его «Апология» завершает традицию классической духовной автобиографии, прослеживающей христианскую парадигму внутренней жизни.

Автобиографическая метаструктура обращения продолжает действовать и в двадцатом веке, но уже в «перевернутом» виде». Ее зеркальное отражение отчетливо наблюдается в автобиографии Эдмунда Госса «Father and Son» [3] («Отец и

Сын»). В книге Э.Госса опыт самоидентификации тесно связан с окружающим миром и ходом истории, в нем отразились мировоззренческие сдвиги на рубеже XIX-XX веков, получившие название метафизической катастрофы. Сам автор обозначает столкновение между отцом и сыном как «диагноз умирающему пуританизму». В «Исповеди» Августина и в «Апологии...» Ньюмена самоидентификация вершится на конфессиональном и религиозном уровне, «обращение» – это процесс приобщения к другому миру, истинное, настоящее рождение, к которому ведет долгий и тяжелый путь, что, собственно, и составляет хронотоп этих двух автобиографий. Сам момент обращения – это конечный пункт пути ищущего. В автобиографии Э.Госса этот конечный пункт трансформируется в отправную точку, от которой разворачивается путь в противоположном направлении, в мир реальный, а не идеальный, профанный, а не сакральный. Этот путь тоже заканчивается рождением «нового» человека, но проделавшего обратный путь, от обращенного в веру – до потерявшего ее или освободившегося от нее.

В литературной автобиографии Эдмунда Госса находит свое отражение кризис религиозной, пространственной и временной идентификаций, рассматриваемых на уровне оппозиций, разворачивающихся на протяжении двенадцати глав и находящих свое разрешение в эпилоге. В рамках оппозиции «Отец – Сын» разыгрывается комическое действие, открывающееся молитвенным богослужением в честь благополучного рождения ребенка и обещанием посвятить его служению Богу. Сцена смерти матери вносит трагическую ноту в комедию: последним жестом умирающая завещает ребенка Богу. Материнский «План» завершается обращением и публичным крещением Сына, но повествование не заканчивается на этом. «План», исполнение которого было возложено матерью на отца, служит фабульной пружиной, разворачивающей действие еще на протяжении четырех глав, ведущих к разрешению трагического конфликта между Отцом и Сыном.

Отец (страж, тиран, пуританин), олицетворяющий власть и Бога (инвариант этого члена оппозиции – «властитель»), противопоставлен сыну (жертве, от рождения обещанной родителями Богу; инвариант этого элемента оппозиции – «пленник»). Время-пространство Отца (вертикаль, устремленная в вечность; инвариант – Град Божий), противостоит времени-пространству сына (горизонтальному, энтропийному времени; инвариант – град земной). Это – противоборство

¹ Здесь и далее перевод наш – Л.К.

двух главных формообразующих хронотопов, Отца и Сына.

Множественность смысла не исчерпывается этими оппозициями. В конце последней, двенадцатой главы разыгрывается кульминационная сцена: сын обращается к Богу, тщетно ждет его явления, теряет веру в него. Совершающийся в сознании сына переворот происходит как бы мгновенно: только что, преисполненный веры в Бога, он взывал к нему с просьбой забрать его в свое царство – и вот уже он чувствует, как рушится его вера; оба состояния почти одновременно охватывают его сознание. Эта кажущаяся спонтанность, внезапность и вневременность переворота является сознательным ходом автора, искусно разворачивающего заданную в предисловии программу, ориентирующую читателя на восприятие автобиографического текста в трагедийном ключе. Он использует принцип переворота как движущий принцип трагедийного действия, в соответствии с аристотелевским понятием перипетии («Перемена всех вещей в их противоположность – это <...> жанрообразующий принцип трагедии») [4: 187].

Высвободив инварианты, мы получаем конечные оппозиции: властитель – пленник; Град Божий – град земной; истинное рождение – рождение нового человека. Их смысл может быть истолкован как противостояние Властителя Града Божьего пленнику града земного – человеку нового времени. Освобождаясь из религиозного плена отца, сын остается пленником времени града земного, а крушение веры, суть новое рождение, – это рождение человека пограничной эпохи. Отражая структуру текста, совокупность конечных оппозиций предлагает прочтение текста, дополняющее запрограммированную автором художественную идею: столкновение между отцом и сыном – это не только столкновение двух характеров и двух эпох, обозначенное Госом как «диагноз умирающему пуританизму», это еще и отход от викторианских идеалов отцов и наступление эпохи краха религиозной идентичности.

Исследования З.Фрейда и К.Г.Юнга в области подсознательного изменили концепцию личности в XX веке и придали новый импульс процессу конструирования идентичностей. Теория архетипов К.Г.Юнга стала для Кэтлин Рейн, автора трехтомной автобиографии, предметом авторской рефлексии. Она реализует мифопоэтическую интерпретацию внешнего и внутреннего опыта жизни, ссылаясь непосредственно на К.Г.Юнга в предисловии к первому тому своей автобиографии «Farewell Happy Fields» [5] («Прощайте, счастливые поля»): *«Найди свой*

миф и проживи его, было жизненным правилом Юнга» [5:8]. Таким мифом становится для автора Библейский миф о потерянном рае, послуживший главной, архетипической, моделью автобиографии.

В традиционном для автобиографии рассказе о своих корнях описываются детские годы, проведенные у родственников матери, в Бавингтоне. Этот период жизни оказал значительное влияние на дальнейшую судьбу протагониста, определил чувство принадлежности к земле шотландских предков, к живой культурной традиции народа. В тексте присутствуют слова-маркеры, отмечающие проблемы этнокультурной, религиозной, пространственной, языковой идентичности – «ссылка», «изгнание», «чужой», «иностранный», «принадлежащий к другой расе»: изгнание как оторванность от родной земли, от национальных корней: *«an exile in a foreign land, of being of another race and kind from those among whom I have lived»* [5: 19] – ‘изгнанница в чужой стране, другого рода, племени, отличного от того, который окружал меня’; изгнание, как пребывание в пространстве «чужого» языка: *«<...> myself; an exile, even linguistically»* [5: 28] – ‘Я сама, изгнанница, даже в языковом отношении’; как духовная ссылка, *«которая впервые пробудила поэтический инстинкт; первый намек на недостижимую красоту»* [5: 19]. Родители также позиционируются как изгнанники, пребывающие каждый в своей «ссылке»: *«семейство моей матери; сами уже изгнанники, хотя и живущие всего в нескольких милях от шотландской границы, гордые своим происхождением, но ощущавшие себя чужаками в чуждом пространстве»* [5: 21].

Кризис пространственной идентификации передается через трансформацию Эдема – символического образа сельской Англии. Это – пространство, которое уничтожается наступающим, расширяющимся, все поглощающим пространством города-Гадеса, пространством Хаоса и изгнания. Деревенские луга, поросшие полевыми цветами, превращаются в крошечные палисадники перед вставшими тесными рядами одинаковыми новыми домами.

Тема изгнанничества получает свое продолжение на уровнях социальной и культурной идентичности. Слово-индекс «exile» повторяется во всевозможных сочетаниях, характеризуя различные аспекты маргинализации персонажей. Протагонист относит себя к «social exile» («социальный изгой»), поскольку ее уровень образования и ступень, занимаемая ее семьей на социальной лестнице, выше, пусть и не намного, чем у их окружения. Ее друг Роланд, как и она, – из-

гнанник, это изгнанничество, подразумевающее кризис культурной идентичности как оторванность талантливого, творческого человека от мира искусства, культуры, их недоступность для него.

Миф о потерянном Рае, совершив несколько циклов, соответственно, во втором – «The Land Unknown» [6] и третьем – «The Lion's Mouth. Concluding Chapters of Autobiography» [7] томах автобиографии, приводит автора к созданию автотомифа о бессмертной правде воображения, оказавшейся выше «низких» истин профанного мира, мифа о творце, победившем в человеке. В своей попытке противостоять вызовам мирового глобализационного процесса и создать новые параметры самоидентификации Кэтлин Рейн обобщает «опыт души», опыт самоидентификации, предлагает свои варианты религиозной идентичности, свои ответы на «последние вопросы», используя универсальный диапазон духовного поиска, объединяя позиции христианства, неоплатонизма, платонизма, буддизма и суфизма.

Эволюция литературной автобиографии в XX веке – это поиск пути к себе-истинному, обращение взора вовнутрь. Воззвание к Богу как к внешней силе находило свое воплощение в духовной автобиографии, классическим образцом которой стала автобиография кардинала Дж.Г.Ньюмена «Apologia Pro Vita Sua». В обращении к друзьям юности, которым заканчивается его автобиография, Дж.Г.Ньюмен предупреждал

их об угрозе приближения тех времен, когда изживут себя все внешние формы обращения к Богу. Девятнадцатый век – предпосылка и подготовка к воплотившимся в литературной автобиографии XX века поискам Бога в себе, к интериоризации духовного опыта, что и определило характер эволюции жанра литературной автобиографии не только в плане поэтологическом, но и в плане мировоззренческих, духовных исканий, а это и составляет главное, истинное содержание автобиографии нашего времени.

*****

1. Новикова В.Г. Проблема национальной идентичности в британской «околофутбольной» литературе // Филология и культура. Philology and Culture. – 2012. – №4 (30). – С. 143 – 147.
2. Newman J.H. Apologia Pro Vita Sua: being a reply to a pamphlet entitled «What, then, does Dr. Newman mean»? London: Green, Longman, Roberts, and Green. 1864. // A combined critical edition «Newman's Apologia Pro Vita Sua». Oxford University Press. L.: 1913. – 528 p.
3. Gosse E. Father and Son. A study of two temperaments. – L.: 1976. – 192 p.
4. Барт П. Расиновский человек // Избранные работы. Семиотика Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 142 – 232.
5. Raine K. Farewell Happy Fields. – L.: Hamish Hamilton, 1973. – 173 p.
6. Raine K. The Land Unknown. – L.: Hamish Hamilton, 1975. – 163 p.
7. Raine K. The Lion's Mouth. – L.: Hamish Hamilton, 1977. – 163 p.

THE EXPERIENCE OF ETHNOCULTURAL SELF-IDENTIFICATION IN ENGLISH LITERARY AUTOBIOGRAPHY OF THE 20TH CENTURY

L.B.Karaeva

The article investigates the experience of self-identification, presented in English literary autobiography of the 20th century, denotes the ways of constructing a new identity and traces the reception of spiritual autobiography of the 20th century.

Key words: literary autobiography, spiritual autobiography, self-identification, identity, metaphysical catastrophe, myth, archetype.

*****

Кареева Лейля Басхануковна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой западноевропейской филологии факультета иностранных языков Карачаево-Черкесского филиала Московского финансово-промышленного университета «Синергия» (Карачаево-Черкесская республика, г.Черкесск).

E-mail: karaeval@mail.ru

Поступила в редакцию 06.05.2013